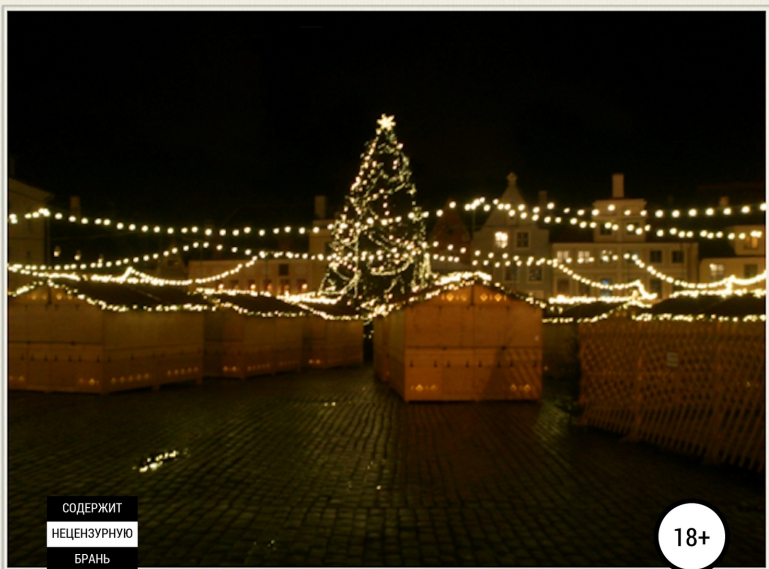

—

Как привыкнуть к Рождеству?

—

АНДРЕЙ ШАХОВ

Андрей Шахов

Как привыкнуть к Рождеству?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57563229

SelfPub; 2020

Аннотация

Сборник из двух рассказов и одной повести, написанных автором в период с 1987 по 1998 гг. Все они были в свое время опубликованы в эстонской периодике. Эти истории рассказывают о людях, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации. Выход из нее крайне сложен и нетривиален. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Судьба	4
Лотерея	6
Как привыкнуть к Рождеству?	20
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Судьба

Фамилия, говоришь, странная? Гм... А чего в ней странного-то? Обычная, детдомовская...

Бывают и такие. Тебе оно, конечно, непонятно. А откуда взять всем привычную, коли неизвестны мои родители?

Во-во! Сирота! Круглый чуть ли не с самого рождения.

Подкинула меня моя мамаша... или папаша?.. А у них самих четверо голодных ртов.

Время было тяжелое – война. Не могли они меня прокормить, конечно, и сдали в детдом.

Мне-то что! Я другой жизни и не знал. А вот другим, постарше, приходилось туго. Особливо тем, кто помнил своих родителей.

Да, жестокое было время!

А потом меня и кореша моего, Васюту, выпустили.

В конце зимы дело было. Холода стояли неслабые. А одежду-то выдали летнюю...

Никогда не забуду, как мы с Васютой валялись в ногах у гада-директора и умоляли его: дай, мол, хоть пальтишко какое и рублей десять на первое время! Клялись, божились всеми святыми, что, как только заработаем, вернем в тройном!

А он, сучья морда, ни в какую! И выпуск не оттянул. Выгнал в шею, и все тут!

Повезло нам, однако. Устроились на работу в тот же день.

Только в общаге места не нашлось...

А так и жили! Днем работали, вечерами отсиживались в подъездах, грелись возле батарей. Спали в подвалах, завернувшись в газеты...

Ели? А что придется. Васюта гордый был, и я не говорил ему, откуда достаю. Ну, сам понимаешь...

Не веришь? Да я и сам сейчас с трудом... Но так было. Не хотели помощи просить. Да и у кого? Но до аванса дотянули...

И опять в ногах валяемся, умоляем! А эта пухлая рожа ни в какую – не дам, чтоб не сбежали! Знаю, мол, вашего брата...

Так и тянул я до самой получки. Но ничего, выдержал...

Васюта? Гордый он был. Не захотел боле терпеть, свернул с прямой дорожки – воровать пошел. И вляпался!..

А я ничего. После армии – в институт. И опять голод! Степуха-то – кошке на молоко...

Семья? А как же – большущая! Я ведь в детдоме воспитателем... А Васюта второй срок отсиживает. Убить хотел...

Ну, ты это, того! Он ведь мать свою, змею подколодную!.. Да, судьбина! Из одного детдома мы. А вот как оно вышло...

1987 г.

Лотерея

Холодно. Чертовски холодно. Такой же холодной была весна девяносто четвертого. Но тогда у него была квартира; работы уже не было, а квартира еще была. Хорошо было...

Поблизости послышались чьи-то шаги; твердые, уверенные. Вениамин приоткрыл глаз. Мимо скамьи прошествовал рослый бородач с пивным брюхом, на скрюченного холодом бомжа даже не глянул. Вениамин закрыл глаз.

Он понимал, что засиживаться не стоит, надо бы походить и хоть чуточку разогреться, но никак не мог заставить себя оторваться от скамьи. Простуда отнимала силы.

А в детстве она была его союзницей. Первые два-три дня Веня, конечно, хрипел и температурил, зато потом наступала лафа: родители до позднего вечера пропадали на работе, а отпрыск читал книжки про пиратов и разведчиков, смотрел телек и лопал печенье с малиновым или клюквенным вареньем. И ни о чем его головушка не болела.

Правда, он и теперь мозги особо не напрягал. Не раздумывал даже о том, где достать копейку на пропитание, — просто обходил помойки. А тот единственный случай, когда проявил какую-то изобретательность, вспоминался с болью и стыдом.

Было это в первые дни его бродяжничества. Изучение помоек все еще казалось недостойным делом, но есть уже хоте-

лось нестерпимо. Вениамин накорябал на клочке бумаги душещипательную записку и под видом глухонемого пошел по квартирам просить милостыню. Он не жадничал, готов был довольствоваться одной кроной с носа, но получал и две, и даже пять. Буквально каждый второй откликнулся на мольбу «инвалида». Но тринадцатая дверь оказалась последней: здоровенный красномордый пьянчуга рявкнул матом и саданул попрошайке в глаз.

Вениамин забрался на крышу соседней девятиэтажки, глядя на собранные одиннадцать крон, с горечью осознал, что ради «заработка» хотя бы вдвое больше мог бы согласиться получать в глаз каждый день. И выбросил записку...

Бумажка закружилась на ветру и превратилась в... гамбургер. Удаляясь, он пах почему-то все сильнее. У Вениамина на мгновение перехватило дыхание, желудок напомнил о себе металлическим стоном, и в следующий миг стало ясно: в память встрял сегодняшний день. Открылся ларек на окраине парка.

Пришлось убираться. Вениамин нехотя встал и побрел к перекрестку. Запах гамбургеров потихоньку отстал, но желудок не успокаивался.

На выходе из парка стояла одинокая помойка. Два облезлых кота уплетали на крышке бака выложенную каким-то добряком салаку. При виде приближающегося бомжа они безошибочно угадали в нем соперника и ощетинились.

Вениамин взял камень, демонстративно взвесил его в ру-

ке. Коты насторожились. Бросок – и дымчатый с визгом сиганул в кусты. Второй – здоровенный одноглазый ветеран – смерил бомжа коротким взглядом и величаво последовал за дымчатым.

Вениамин готов был поклясться, что кошка смотрел на него чуть ли не с жалостью. В самом деле, две салаки – не ахти какой завтрак для человека, даже для бомжа.

Но голод презирает стыд...

День не удавался. Продолжая путь, Вениамин добросовестно обшаривал все помойки и всматривался в каждое пятно на тротуарах и газонах, но к середине дня собрал всего четыре жестяные банки и бутылку из-под пива. Между тем, идти было все труднее: озноб не отпускал, и болезненная усталость брала свое. Несколько раз авоська выскальзывала из ослабевших пальцев, банки бряцали об асфальт.

На площади Вениамин остановился, прикинул дальнейший маршрут.

Буквально в трех шагах от него, садясь в шикарный автомобиль, очень солидный господин бросил на асфальт только начатую сигарету. Дивясь свалившейся удаче, Вениамин резво подобрал дымящийся окурочок и жадно затянулся. Его тут же закачало, но через минуту головокружение ослабло, и стало веселее. Казалось, даже простуда отступила.

Вениамин с шумом выпустил из легких очередной клуб никотинового дыма, утер со лба испарину и осмотрелся.

На автобусной остановке неподалеку стоял понурый, ка-

кой-то очень уж нескладный, долговязый парень в жутко застиранной, некогда коричневой куртке еще совдеповского пошива, темно-, местами светло-синих брюках и очень грязном «петушке», натянутом по самые брови. Было в нем что-то знакомое, чуть ли не родное...

У Вениамина отвисла челюсть: да ведь он сам был таким незадолго до выселения. Один в один! Носил такое же застиранное старье, понимая свою ущербность, тоже старался не замечать взглядов окружающих, и точно так же, как у этого парня, у него торчала из кармана куртки свернутая в трубку газета, призванная засвидетельствовать, что ее обладатель еще не скатился на нижнюю ступеньку социальной лестницы. Что вы, бомжи газет не читают...

Глаз вдруг вычленил из общей картины нечто чрезвычайное. Вениамин сфокусировал внимание на усталой и уже немолодой женщине, которая протянула не то внуку, не то сынишке потрепанную десятку. Глупый мальчонка, держа червонец в вытянутой руке, беспечно зашагал к одному из ларьков.

У Вениамина сжалось сердце: за десять крон можно купить полтора кило салаки, а пацан попросит какой-нибудь идиотский «Сни...» Еще лучше взять кило салаки и полбуханки хлеба. Можно залезть в укромный колодец теплотрассы неподалеку от рынка и запечь рыбу на костре. Для этого нужно сделать из ветки шампур, нанизать на него рыбешек и, млея от тепла, несколько минут покрутить «шашлычок»

над огнем. Так его научили готовить рыбу пацаны в бабкиной деревне, с которыми он частенько ходил на рыбалку. К рыбе они еще пекли картошку...

До ларька мальчонке оставалось метра три.

Вениамин выплюнул тлеющий фильтр сигареты и устремился пацану наперерез. Жалкий, затюканный бомж превратился в алчного хищника, острыми плечами расталкивающего на своем пути изумленных прохожих. Мальчонка не успел и пикнуть, как заветная денежка исчезла из его руки, а мимо пронесся грязный, некрасивый дядя, оставляющий за собой шлейф дурного запаха.

Через несколько секунд Вениамин сбавил скорость, немного погодя остановился. Сердце билось в ребра с болью, отдающей в левое предплечье, в ушах гудело от нервного и физического перенапряжения. Хотелось тут же лечь на асфальт и уснуть. Но смутное предчувствие опасности не отпускало.

Позади послышались возмущенный женский крик, чьи-то невнятные возгласы, шум суеты в толпе. Вениамин обернулся и увидел бегущего за ним толстощекого полицейского.

Только его и не хватало!

Бывший хищник мгновенно вжился в роль дичи, прижал авоську к груди и бросился наутек. Понимая, что по прямой от полицейского не оторваться, покинув пределы площади, Вениамин свернул в первую же подворотню и запетлял по старым дворикам. В душе тлела слабая надежда, что из-за

несчастливых десяти крон страж порядка изнурять себя не станет.

Однако преследование продолжалось. Полицейский то приближался к преступнику на расстояние последнего, решающего броска, то тут же отставал, но уступать не собирался. Может, толстяк хотел доказать себе, что способен поймать хотя бы доходягу?

Едва не впадая в обморок, Вениамин выбежал на очередную улочку и сиганул в полусгоревший деревянный дом. Он не знал, видел ли его маневр полицейский, и хотел было выпрыгнуть через пустой оконный проем на другую улицу. Но, призадумавшись, на секунду остановился, шумно вздохнул и взбежал по хорошо сохранившейся лестнице наверх. О чем тут же пожалел: спрятаться на разрушенном втором этаже было негде. Оставалось лишь надеяться, что полицейский прекратил погоню.

Мгновение спустя надежда лопнула. Внизу злорадно скрипнула гнилая дверь, послышался топот крепких ботинок. Посреди коридора шаги остановились.

Вениамин судорожно сглотнул, с предельной осторожностью отступил за кирпичную трубу с осыпавшейся штукатуркой. Застыв с широко распахнутым иссохшимся ртом, он старался не дышать и прислушивался к исходящим с первого этажа звукам. Но кроме страшного уханья ноющего сердца ничего не слышал и приходил в еще больший ужас.

Скрип – полицейский ступил на лестницу. Он не мог не

знать, что представляет собой в основной массе своей большой и невыносимый бродяжий народ, и легко раскусил замысел измотанного беглеца.

Однако Вениамин сдаваться не собирался. Присев, он с осторожно отложил авоську и подобрал с пола увесистую, еще крепкую доску. Секунды ползли, струились по каждой извилине возбужденного мозга. Пару раз Вениамин был на грани сумасшествия, тьма застилала глаза, но в следующий миг сознание возвращалось, и он снова сжимал доску в немеющих от напряжения пальцах.

Лицо полицейского отобразило изумление, когда из-за печной трубы навстречу ему выскочил вооруженный палицей озверелый убийца. Защититься он не успел. Только охнул и подставил под удар вялую руку...

Вениамин хрипел и бил. Бил и плевался, извергая со слюной ненависть к человеку, вознамерившемуся отобрать у него добытую десятку. Он не замечал, что из доски торчали два здоровенных гвоздя, а крови был так много, что она скрывала глубокие раны на лице рухнувшего на колени полицейского. Усталый Вениамин прерывисто вздохнул и со всего размаха ударил по лицу поверженного последний раз. Послышался тихий хруп, и, конвульсивно дрогнув, полицейский повалился набок.

Вениамин отбросил доску, схватил авоську и бросился вон из дома. Теперь он бежал неторопливо, а вскоре и вовсе перешел на шаг. Сердце понемногу отпустило, жар прошел,

и стало как-то удивительно легко и радостно, как бывает после окончания большой и очень важной работы.

Первым делом он пересек треть города, сдал по самой высокой в городе цене свои утренние находки и потопал на базар. Уличные часы показывали два тридцать и намекали, что ни салаки, ни кильки уже не будет. Может, обойтись пока одной картошкой? А завтра утром обязательно купить рыбки...

Полицейский был забыт.

На привокзальной площади в поле зрения попал красный «Жигуль», из которого два мужика продавали лотерейные билеты. Вениамин остановился и зачарованно уставился на машину. Это была та самая красная «пятерка», в окне которой когда-то очень давно он купил свой первый лотерейный билет. И выиграл.

Когда же это было? Двенадцать лет назад, весной. Здесь же, на вокзале... Вениамин похолодел: на дворе, как и тогда, было двенадцатое марта! Он сдавленно кашлянул, почувствовал слабость в ногах и оперся на перила ограждения возле павильона закусочной.

Неужели в жизни возможны такие совпадения? Машина, вокзал, месяц, число, двенадцатилетний цикл...

В тот вечер Вениамин проводил на поезд отправившихся к теще жену и дочку и собрался было ехать домой, но по пути к трамвайной остановке обратил внимание на красный «Жигуль» торговцев «Спринтом». Что-то закоротило в обычно

трезвомыслящей голове Вениамина, и никогда в жизни не играв ни в какие лотереи, Вениамин вдруг купил один билет. Всего один. И выиграл по нему столько, что хватило на итальянские сапожки жене, плеер дочери и электронные часы «Rafitron» себе.

Вениамин сразу же уверовал в свою удачливость и стал регулярно покупать билеты. Фортуна изредка подкидывала ему кое-какую мелочь, но это не в коей мере не компенсировала возрастающие затраты. Но он все равно играл и играл, а в ожидании огромного выигрыша потихоньку влезал в долги.

От Вениамина отвернулись друзья, которым до зевоты надоели разговоры про лотереи, везение и всевозможные «верные» системы. Потом охладела жена. Какое-то время она еще надеялась на возвращение мужа к нормальной жизни. Но однажды в дом ворвались громилы, перевернули все вверх дном, избили Вениамина и пообещали, что в следующий раз прирежут. Как оказалось, он задолжал кому-то две тысячи. Жена поплакала и – делать нечего – предложила снять с книжки. Но там из трех тысяч оставалось уже только восемьсот.

Взяли у ее матери. Когда все закончилось, состоялся трудный разговор. Вениамин сквозь слезы поклялся: больше – никогда! Но через полгода снова сорвался...

И снова деньги сочились сквозь пальцы, как песок. Вениамин покупал так много билетов, что его везде уже знали в

лицо. В глаза улыбались, а в спину крутили пальцем у виска.

Вскоре, не говоря ни слова, жена забрала свои вещи и дочь, и уехала в родной Омск. Вениамин не сильно расстроился: «Ничего! Выиграю большой куш и верну ее...» Кругом кипели страсти, разваливалась огромная страна, а он обратил внимание только на то, что вместо простенького «Спринта» появились новые билеты. Красивые, блестящие.

Однажды Вениамину подфартило, – выиграл пять тысяч. Сколько было радости! После долгого перерыва он снова ощутил себя везунком. И решил больше не играть. Наверное, одержав последнюю небольшую победу, такие же решения принимают спортсмены, которые не желают испытать горечь неизбежного спада.

Вениамин хотел было позвать обратно жену и дочь, но вскоре болезнь взяла верх и на сей раз пожирала его до тех пор, пока не вышвырнула на улицу...

С самого первого дня прошло двенадцать лет. Если верить восточным астрологам, то, что когда-то случилось, может повториться двенадцать лет спустя. За это время Юпитер совершает полный оборот вокруг солнца...

Впрочем, проку от этих мыслей никакого. Надо поторапливаться на рынок. Рыба уже вряд ли будет, но картошку продают до самого закрытия...

Странно, но голода Вениамин уже не чувствовал. Его место заняло искушение. Не случайно ведь ему попала на глаза та самая «пятерка»...

Нет-нет! Это пустые фантазии! Он видел уже сотни знаков судьбы, которые принесли только горечь потерь и разочарование. Да и прошли те времена, когда можно было выбросить на эксперимент лишнюю десятку...

Но машина... Такого знака еще не было. День... Вдруг это то, чего он ждал долгие годы? Надо только сделать все правильно – как тогда...

Вениамин оторвался от барьера, направился к машине.

Он уже не сомневался, что выиграет. Причем, крупно, по-настоящему – тысяч де... двадцать пять! Этих денег вполне хватит, чтобы вернуться к нормальной жизни – отъестся, приодеться, снять комнату. А там...

Надо только сделать все правильно.

Один из сидящих в «пятерке» мужиков скользнул по подошедшему серомордому бомжу чуть брезгливым взглядом и отвернулся. Вениамин на него даже не глянул: он видел только билеты.

Как и двенадцать лет назад, деньги надо было подать правой рукой.

Мужик за лотком вопросительно уставился на Вениамина. Как и всякий нормальный продавец, он желал получить деньги за свой товар, но вместо этого пришлось слушать натужное сопение замшелой статуи.

Вениамину очень трудно было расставаться с драгоценной десяткой...

Билет брал правой рукой.

Только вот откуда? Тогда перед ним была огромная куча в картонной коробке, а теперь... Вениамин сжал губы, отдал червонец, схватил один из дюжины разложенных по кармашкам лотка красочных билетов и тут же сунул его во внутренний карман куртки.

Дело сделано!

Он брел по тускло освещенному подземному переходу и представлял, как удивятся холеные клерки «Эсти Лото», увидев в его руках билет с огромным выигрышем, свернул в парк и задумался над тем, в каком банке... Хотя с банком придется подождать: чтобы открыть счет, нужно иметь хоть какой-то удостоверяющий личность документ. А Вениамин все свои документы продал. Где ж тогда держать такую кучу денег?

Вениамин взошел на пригорок, сел на одну из двух пустующих скамеек. Подставил лицо пробивающимся из-за тучек лучам, но тепла почти не чувствовал. Не до того! Теперь он знал, что с выигранных денег первым делом купит два огромных гамбургера с котлетами и салатом, будет запивать их горячим кофе из пластмассовых стаканчиков. И смотреть на прохожих. Смотреть так же спокойно и открыто, как когда-то очень давно. Смотреть и улыбаться...

Солнце клонилось к закату. Вениамин поежился и решился, наконец, проверить билет. Подышал на пальцы и осторожно соскоблил ногтем «серебрянку» с первой цифры. «100». Тоже было б кое-что. Поскреб ниже. «10». Еще ни-

же...

«50 000»!

Вениамин оторвал взгляд от билета, прерывисто вздохнул. Надо было передохнуть: такое напряжение нервная система выдерживала с большим трудом. Снова заныло предплечье – сердце.

После паузы он скоблил снизу вверх. «100»... «50»... «5000»... Неужели?! Нет-нет-нет, просто он не до конца снял покрытие...

«50 000»!

Да! Ну конечно! Он заслужил! За все годы! За всё!!! Теперь осталось отскоблить еще одно такое же число, и... Снова сверху вниз. «10»... «50»...

Вениамин вскочил, заметался вдоль скамеек, зачем-то встряхивая несчастный билет. Осталось одно-единственное число! От него зависело счастье Вениамина.

Шумно выдохнув, Вениамин сел на место и торопливо соскреб остатки «серебрянки».

«1000».

По инерции он пересмотрел все сочетания, но не обнаружил ни одной тройки. Даже «10» повторялось только дважды.

Но как же день? Двенадцатилетний цикл? Злосчастная красная «пятерка»?

Никак.

Вениамин покрутил в руках совершенно бесполезный

прямоугольник глянцевой бумаги. Пальцы разжались, и билет упал на землю. Мусор.

Вениамин сунул руки в карманы куртки, сберегая тепло, сжался в комок. Нестерпимо ныло предплечье, голова вот-вот готова была лопнуть. Нужно было сходить на базар, купить на оставшиеся гроши немного гнилой картошки. Отвлечься... Но он никак не мог заставить себя оторваться от скамьи. Простуда отнимала силы.

Холодно. Чертовски холодно...

1997 г.

Как привыкнуть к Рождеству?

Как это чаще всего и бывало, Юрий Антонович и Илга Дайнисовна пришли первыми. Правда, на сей раз без сына – Артур обещал подойти попозже.

Зинаида Антоновна усадила гостей перед телевизором и занялась последними приготовлениями на кухне.

Минут десять Юрий Антонович с интересом смотрел русский выпуск «Актуальной камеры», потом протяжно, краснея от натуги, самозабвенно зевнул, под конец сдавленно храпанул и, сомнамбулически покачиваясь, произнес:

– Я понимаю, когда мы тряслись за Артура, пока он был в армии... Слава Богу, всего полгода. Но теперь... – он раздосадовано махнул рукой, пригладил остатки волос на макушке и вновь уставился на телеэкран.

Илга Дайнисовна бросила на мужа удивленный взгляд, покосилась на распахнутую дверь и тихо протянула:

– Зато зарабатывает куда больше нас с тобой, вместе взятых.

Она прекрасно понимала, что провоцирует супруга на спор, но промолчать не смогла: заработками сына она гордилась.

– Разве можно назвать эти поганые деньги заработками? – возмутился Юрий Антонович.

Спорили супруги постоянно и по любому поводу. Все без

малого двадцать три года совместной жизни. Хотя на первый взгляд были созданы для идеальных отношений – как два разнополюсных магнита.

Юрий Антонович в свои пятьдесят девять, несмотря на сияющую лысину, держался молодцом – на удивление свежим, розовощеким лицом и каждым жестом, нарочито напористой речью подчеркивал свою крепость и энергичность. И в одежде придерживался пусть и старомодного, но вполне определенного вкуса.

Илга Дайнисовна, наоборот, одевалась неряшливо и производила впечатление чуть ли не древней старухи. Казалось, в ее сером лице отражалась мука от десятка жестоких болезней. Если супруг постоянно что-то читал, слушал радио или смотрел телевизор, сама она гордилась тем, что не прочла за всю жизнь ни одной книги: «Не хватало еще всяким враньем голову забивать!»

При всем этом оба они обладали одной ярко выраженной чертой, сильно подмывающей их кажущуюся взаимодополняемость. Даже двумя – прямо-таки ослиным упрямством и полным пренебрежением к чьему бы то ни было мнению. Так что сатана, вроде бы, одна – да не та!

– Плевала я на то, как эти деньги называются, – тихо, но твердо заявила Илга Дайнисовна. – Раз уж честным путем заработать не дают, пусть хоть так, – и с грустью вздохнула. – Это мы с тобой привыкли жить на крохи, а молодым хочется большего.

Юрий Антонович мгновенно покраснел и в изумлении уставился на жену:

– Раз многого охота, так и в бандюги можно?

– Тише ты! – испугалась супруга и вновь глянула на дверь.

Юрий Антонович проследил за ее взглядом, пожал плечами и, отворачиваясь обратно к экрану телевизора, пробормотал:

– Прямо никто и не догадывается.

И подумал: «Какая странная настала жизнь. Мы знаем, что наш сын – бандит, но не падаем от этого в обморок. Мать им чуть ли не гордится. Еще бы: парню двадцати трех нет, а имеет уже больше, чем его родители! Эх, попади он в годы моей молодости...»

Трудно сказать, за что наказал Господь двух братьев и двух сестер Григорьевых, но родились они в колхозе. Да еще в беднейшем на сотню верст вокруг.

Родители, околхозенные, чудом пережившие Великий мор начала тридцатых, сохранили с тех пор одно-единственное, пронзительное желание выжить. С рассвета до заката тупо горбатились на едва плодоносящих колхозных полях, с пятнадцати лет тускло смотрели, как никогда не трезвеющий бригадир вносит на их счет в выцветшую тетрадку редко когда оплачивавшиеся палочки трудодней, а ночами из последних сил ковырялись на своих кормилицах-сотках. Еще и радовались, что горячо любимые Хозяин и партия хоть так выжить дают.

Из радиопередач и речей заезжих политпросветителей они знали, что весь советский народ в едином могучем порыве строит светлое коммунистическое будущее, но сами жили исключительно сегодняшним днем. Завтра Хозяин мог устроить Перелом покруче едва пережитой ими коллективизации, и заглядывать в это завтра было страшно.

Юрка был старшим из нового поколения Григорьевых. Еще в отрочестве он понял, что нормальной жизни в колхозе ему не видать; как стукнуло шестнадцать – чтобы получить паспорт, с большим трудом поступил в городе в училище, кое-как выдюжил пару голодных лет учебы, оттарабанил еще три не лучших года в армии и только потом, завербовавшись на Целину, зажил вроде как по-человечески – без голодных обмороков, только в самые лютые морозы примерзая под утро к подушке. Еще и домой стал кое-какую копейку отсылать.

Батя потом рассказывал, как самолично ковылял на костылях и одной оставшейся с войны ноге за переводами – и гордо, чуть свысока поглядывая на встречаемых. В ту пору мало кто из его односельчан мог похвастаться успехами, сравнимыми с Юркиными достижениями. Сбежать из колхоза удавалось далеко не каждому...

В гостиную вошла Зинаида Антоновна, поставила в центр и без того щедро нагруженного снедью стола огромную миску-тазик с традиционным салатом, без которого в советской семье не обходился ни один праздник. На всякий случай

быстро осмотрела стол, сосчитала приборы, бросила контрольный взгляд на украшенную старыми игрушками пластиковую елку на телевизоре и, еще не совсем успокоившись, как и положено суетливой хозяйке, села на ближайший к двери стул.

Будь она помоложе, обязательно поправила бы прическу, разгладила на платье только ей видимые складки. Но возраст и великая усталость взяли свое. Облик пятидесятилетней Зинаиды Антоновны любому, даже не очень наблюдательному человеку говорил о таком количестве и качестве пережитого, что узнай об этом какая-нибудь утонченная парижанка, недавно выигравшая процесс против шефа, глумливым взором посягнувшего на ее сексуальную неприкосновенность, она первым делом грациозно свалилась бы в обморок, а, придя в себя, организовала бы фонд спасения пока выживающих русских женщин. Зинаида Антоновна давно уже не имела в своей внешности почти ничего женского — у нее были реденькие, болезненные волосы, при маленьком росте крепкая, по- мужски коренастая фигура и отличный строевой шаг. Жизненный опыт выбил из нее всякий оптимизм, отчего взгляд ее был тускловат и при улыбке. Манера одеваться еще раз подтверждала, что по- настоящему женщиной она не чувствовала себя, наверное, никогда.

Зинаида Антоновна поглазела отсутствующим взглядом на экран телевизора и только через минуту обратила внимание, что «Актуальную камеру» сменила какая-то эстонская

передача.

– Что же вы смотрите? – она взяла с изрядно подыстертого подлокотника кресла пульт дистанционного управления и с предельной осторожностью нажала на одну из кнопок. – Сегодня по «России» хороший фильм должен быть.

– Разве сейчас снимают хорошее кино! – махнула Илга Дайнисовна.

– Так ведь старый фильм-то! – чуть повысила голос Зинаида Антоновна и положила пульт. – Название только не помню.

Илга Дайнисовна, обладая блестящей памятью, к забывчивым людям относилась высокомерно и редко упускала возможность посмеяться над чужими недостатками. Но на сей раз почему-то промолчала, даже бровью не повела.

Юрий Антонович закурил, глянул на сестру.

– Ну что решила, Зин: съездим летом домой?

Зинаида Антоновна, размышляя, пару раз моргнула, повела плечом.

– Ой, не знаю. Впереди еще полгода.

– Верно! – энергично кивнула Илга Дайнисовна и, глотая буквы, захрустела сушкой. – Панировать теперь ничео неся, – проглотила кусок, нахмурилась. – Да и как ты поедешь, бестолочь? У тебя ведь никакого граждан...

– Там все с таким же паспортом, как я, – угрюмо оборвал ее супруг. – И Зинаидин документ отличается от моего только штампиком...

– Потому-то она там своя, а ты – никто, – язвительно режюмировала Илга Дайнисовна и захрумкала снова.

– Но съездить надо, – упрямо сказал Юрий Антонович. – Два года с Иваном не виделись, – заметил, как поморщилась сестра, и добавил: – Да и где ты отдохнешь, как не в родном доме?

Зинаида Антоновна исподлобья глянула на брата.

– Отдых наш состоять будет в том, что ты займешься ремонтом дома, а я перестираю горы белья.

Юрий Антонович попытался было возразить, но она его опередила:

– И смотреть, как Ванька валяется на облезлой печи и хлещет водку, больше не хочу!

Юрий Антонович сокрушенно покачал головой.

– Напрасно ты так, Зинаида. Для российской деревни настала тяжелейшая пора.

– А пьянство тут при чем? Ванька же – бездельник конченный; на все времена! – Зинаида Антоновна отмахнула спавшую на глаз седеющую прядь и заговорила немного спокойнее. – В годы нашей молодости на селе было куда хуже. Ну, так все мы за лучшей долей в город подались.

Она ненадолго умолкла, вспоминая, как после смерти Хозяина его тронное место занял Хрущ. Он признал колхозников за людей и раздал им паспорта. Началась Оттепель.

Зинка получила заветную красную книжицу, сделала от-
чему дому ручкой и упорхнула на Урал строить очередной

памятник советской индустриальной гигантомании – чой-то там плавильный завод.

Хлебнула девка по полной программе строителя коммунизма: ютилась с пятью подругами в жалком вагончике, давилась кашами на воде и гнилой картошкой, уродуя пальцы, каждую минуту рискуя сунуть руку под дугу сварочного аппарата, за четыреста дореформенных рублей в месяц увязывала арматуру для железобетонных конструкций. Бригадир орал на всех так, будто командовал пленными немцами. Каждый день на каком-нибудь участке происходили несчастные случаи, раз в неделю обязательно кого-нибудь хоронили. Если было что хоронить.

А Зинка этой жизни радовалась: в родном колхозе все равно было хуже. Как завод построили, съездила на пару недель домой и укатила в Сибирь – воздвигать крупнейший в мире целлюлозно-бумажный комбинат...

– Один только Ванька остался; и не из любви к земле, а только потому, что шевелиться не хотел, – Зинаида Антоновна сокрушенно качнула головой. – Колхоз наконец-то разогнали, наделы да технику поделили... Так он и трактор, и сенокосилку, и немалую часть земли тут же продал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.